

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 17.022.1

ЭТИКА КАК НЕ ШКОЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

В.В. ВАРАВА

*Воронежский
государственный
университет*

*e-mail:
vladimir_varava@list.ru*

В статье рассматриваются возможности этики оказать позитивное влияние на современное общество, образование и культуру. Для этого необходимо осознать тождество этики и философии и определить бытийный статус самой философии, которая в контексте современной культуры теряет свою фундаментальность. Этика как практическая философия ассоциируется с философствованием как живым экзистенциальным актом, нежели с философией как системой историко-философских знаний, имеющих гносеологическое, а не нравственное значение. В этом контексте проблематизируется вопрос о статусе прикладной этики, которая утрачивает корневую связь и с философией и, тем более, с философствованием.

Ключевые слова: этика, философия, философствование, прикладная этика, образование, философия образования, культура, бытие.

Судьба бытия, или более приземленно – историческая судьба человечества – вольно или невольно связана с философией, в которой единственно происходило и происходит осмысление и оценивание вообще *того, что есть* с точки зрения *абсолютного*. Как бы ни понимать само абсолютное и какой бы скептической ревизии не подвергать его самосущую онтологию, иного пути нет – философия остается единственным способом бытийной легитимизации существования; исторического, культурного и социального существования в том числе.

Современная ситуация такова, что в эпицентр философии помещена этика. И несмотря на то, что этический дискурс именно сегодня отнесен на периферию общественного дискурса, именно этика играет сегодня решающую роль в судьбах общества и культуры. Действительно, последние десятилетия философской жизни отмечены быстрой сменой различных парадигм и характеризуются такими «трендами» как «деидеологизация», «дискредитация онтологизма», деконструкция логоцентризма, завершение неоклассики в искусстве, «смена этоса на эстетизм», в конечном счете, переход от фундаментальной этике к прикладной и профессиональной, в том числе и к «этике организаций» и т. д. Не случайно, что в центре этих изменений находится этика, поскольку именно последняя является «генератором ценностей», наиболее радикально определяющим ситуацию в любой области жизни и культуры. Этика дает «аксиологическую санкцию» на создание какой-либо теории, направления, движения, образа мысли и поведения; апелляция к этике как к высшей инстанции часто является последней и предельной апелляцией, когда все иные аргументы и мотивы исчерпаны.

Однако сегодня возникает вопрос о *должном образе самой этики*, поскольку само «должное» оказывается под сомнением. Какой должна быть та философская дисциплина, которая занимается должным? Этот вопрос далеко не случаен; он возникает, исходя из анализа современной нравственной ситуации в таких сферах жизни как общество, культура и

образование, которые более всего поражены «нравственным недугом». Методология нравственной аналитики общества, безусловно, опирается на научные данные социологического анализа, стабильно показывающих угнетающие результаты в последние десятилетия; в тоже время, эта методология принципиально ненаучна, здесь важно духовное и социальное самочувствие, основанное на непосредственном наблюдении и критической рефлексии полученных данных и ощущений.

Избегая традиционного морализаторства, необходимо сказать, что «здоровое общество» – это, скорее всего, социальная утопия, однако степень нравственной патологии современно российского общества выходит за всякие «нормальные» рамки. Состояние современного общества можно охарактеризовать в терминах «социальной аномии» (Э. Дюркгейм, Р. Мертон); ситуация в культуре характеризуется тотальным обесцениванием ценностей; в образовании господствует прикладная доминанта, связанная с утратой духовного смысла образования. К таким выводам можно прийти с одной стороны из непосредственного наблюдения за ситуацией, участниками которой мы являемся, с другой, из анализа существующей литературы двух последних десятилетий, в которой самой частотной и популярной темой является тема «кризиса».

В этой ситуации закономерно взоры общества обращаются в сторону этики, актуализируя такие вопросы: «Какова роль этики сегодня, может ли этика как вузовская дисциплина оказать оздоравливающее влияние в целом на ситуацию в обществе?» Иными словами, есть ли у современной этики социальная миссия, и если есть, то как ее реализовать?

Для более полного понимания социальной миссии этики необходимо осмыслить этику как философскую дисциплину, заново обретая утраченное понимание *изначального тождества этики и философии*. Это осмысление приходится производить вновь, поскольку время от времени жизнь и культура впадают в состояние «забвения бытия» и «утраты идеалов», которое требует переосмысления фундаментальных основ существования. Это переосмысление и ложится в основном на плечи этики, поскольку в арсенале ее «аксиологического инструментария» такие понятия как «сущее», «должное», «добро», «зло», «совесть», «ответственность» и т. д. Но это не главное и определяющее. Важно понимать, что есть существенное различие между тем, что понимается под этикой в аристотелевской системе философского знания (этика как «школьная философия») и между тем, что такое этика как практическая философия в смысле тождества мысли, бытия и поступка (этика как «не школьная философия»). Наша задача привлечь внимание к этому различию, которое очень часто просто-напросто ускользает от взоров как исследователей, так и преподавателей этики.

Это различие имеет принципиально важное значение, поскольку «школьная» или «категориальная» этика работает в системе теоретического знания, которое может и не иметь непосредственного выхода в жизнь. Практическая философия, или в нашей терминологии «не школьная этика», реализует совершенно иную программу – программу поступка как бытийного акта, рожденного в недрах философского восприятия мира. Особенность современной ситуации еще и в том, что статус этики как практической философии актуализирует *вопрос о самой философии*; во-первых, о философии как философии, и, во-вторых, о «функциях» философии в современном социально-культурном и социально-образовательном контексте. Иными словами, заговорив об этике, мы неизбежно выходим на философию, естественно сталкиваясь с проблемами и здесь.

Актуализация вопроса о собственном *бытийном статусе философии* вызвана тем, что последняя в очередной раз теряет свою органичность и уникальность, растворяясь в несвойственных философии практиках (научной, религиозной, культурной, политической и т. д.). Это во многом типичная для философии ситуация, когда происходит «падение мышления в науку и в веру», что есть, по слову М. Хайдеггера, «злая судьба бытия»¹. Но таков принцип *культурной*, а не *философской* организации бытия. Культура требует рациональных форм, вот почему она не приемлет непонятное бытие, рожденное в лоне чистой философии, и требует замены его понятными, то есть понятийными образами, созданными в науке и религии.

Сегодня же философия, потеряв в очередной раз свой бытийный статус, по-новому занимается обслуживанием нужд культуры, становясь исключительно прикладной «наукой». Произошло сущностное понижение онтологического статуса философии; философия воспринимается (если вообще воспринимается) лишь в качестве средства и инструмента; само же философское вопрошание исчезает из духовного горизонта современного человека. Оно не исчезает вообще как «метафизическая потребность» отдельного человека, который неизбежно сталкивается с философией вне всяких социальных детерминант. Но философское

¹ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М., 1991. – С. 52.

вопрошание перестает быть ценностью на уровне духовных приоритетов культуры. Это видно по всему. Отсюда и возникает ощущение «умирания философии», сопровождаемое апатией и разочарованием в философии, в убежденности в тщетности всех ее «прекрасных взлетов мысли», которые, по словам П. Слотердайка стали всего лишь «словесами для юнцов, для профанов, для клерикалов да социологов»².

В этой ситуации приходится заново определять бытие философии, ее «дисциплинарный статус», отличный от статуса других наук, в том числе и от гуманитарных. Это нужно, прежде тем, кто понимает, что такое философия и какова опасность превращения философии в нефилософию. Но опосредованно это нужно всем. Иными словами, философский императив времени требует определить отличия философии от науки, религии, искусства в контексте современности. Это вызывает к постановке вопроса об онтологической легитимности «научной» и «религиозной» философии. «Чистый» этос философии укоренен в бытии, чем и определяется глубинное тождество этики и философии. Осознание бытийной сущности философии позволит ей выполнить свою социальную, духовную и нравственную миссию в современном мире. Но для этого должно нечто созреть в живых пластах культуры, чутких еще к бытийной проблематике. Принуждением к философии решить ничего нельзя, как впрочем, принуждением в любой сфере. Но привлечь внимание, заставить задуматься можно. Этим как раз и должно заниматься образование, поставив философию в эпицентр своих стратегий.

Определение бытийного и дисциплинарного статуса философии вопрос из разряда «неподъемных». Но, как нам представляется, ситуацию можно прояснить, если учесть следующую дифференциацию. В европейской философской культуре, включая и отечественную философскую традицию, сложилось два понимания философии. Их, конечно же, намного больше, но для нас важны следующие два. Первое – это восприятие философии как *феномена культуры*, второе – как *феномена бытия*. Иными словами, есть профессиональная философия, связанная с академической традицией и есть вольная философия, не связанная ни с какими социальными институтами, а являющаяся лишь выражением личного метафизического настроения человека, его философского вдохновения.

Первый подход («культурологический») наиболее распространен среди философов-профессионалов, представителей научной академической философии, полагающих философию исключительно феноменом греческой культуры (С.С. Аверинцев, А.Ф. Лосев). Второй подход («онтологический») видит в философии не столько порождение греческого гения, хотя и не исключает этого полностью, но в большей мере сосредоточен на философствовании как универсальном свойстве человеческого бытия как такового (М. Хайдеггер, К. Ясперс).

Согласно первому подходу рождение философии происходит из не-философии, которое является рождением философского языка из житейского, перерождением «слова в термин». Об этом как раз много и убедительно говорит С.С. Аверинцев с своих работах, посвященных сравнительному анализу ближневосточной словесности и греческой литературы. Философию он однозначно связывает с греческой рациональной культурой, в то время как философствование со словесностью. Согласно второму подходу человек есть *Ното philosophicum*, но не в антропологическом, а в онтологическом смысле. Здесь речь не идет о «рождении философского термина из стихии жизни»; здесь речь идет о человеческом существовании и его смысле, который можно осознать только изнутри философского опыта, который и есть опыт бытийного присутствия человека. Современный исследователь А.А. Ермичев, пристально наблюдая за состоянием философской культуры в России, отмечает, что «в реальной жизни профессиональная философия не отменяет мировоззренческих проблем и не отменяет желания людей разобраться в них и, следовательно, философствовать»³. В контексте отечественной философской традиции столкновение профессиональной и вольной (иногда называемой «кружковой») философии ощущается наиболее сильно, что в целом, подтверждает правоту нашего разделения философии на два таких типа.

В чем преимущество философствования для этики? Философствование как бытийный феномен, в отличие от научной философии, ставит единственный в своем роде вопрос о смысле чистого человеческого бытия, человеческого бытия как такового. Ни религиозное откровение, ни научное познание, ни художественное творчество не могут раскрыть человеку смысл его присутствия, поскольку само присутствие является вторичным и производным в этих актах. Поэтому философия сохраняет присутствие этики, которая, как показал А. Шопенгауэр, утрачивается, когда человеческое происхождение полагается не принадлежащим ему. Он пишет, что «только в том случае, если сущность человека есть его

² Слотердаик П. Критика циничного разума. – М., 2009. – С. 6.

³ Ермичев А.А. Литературный журнал и философский процесс в России // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. № 4. Том 2. – СПб., 2010. – С. 236.

собственная *воля*, и он таким образом в самом строгом смысле – свое собственное создание, его деяния всецело принадлежат ему и могут быть ему вменены. Если же его происхождение носит иной характер, и он – создание отличного от него существа, то вся его вина падает на это происхождение или на этого создателя»⁴. Таким вот образом этический аргумент обосновывает идею о том, почему только в философии человеческое бытие предстает как бытие в своем первоизданном виде.

Такое бытие вызывает непсихологическую реакцию, которую философская традиция именуется «удивлением». И это не работа с абстрактными терминами и понятиями, это изначальная стихия неведомого, в которой только и возможно обнаружить и осознать подлинность своего бытия. Наверное, не случайно глубинное задание философии и заключалось в отыскании подлинного смысла бытия, который был бы тождественен самому бытию. И поэтому философия, в этом плане, есть не интеллектуальные упражнения, не логические задачи, не теоретические конструкты, и не знание философских теорий, а нечто гораздо большее. В философии человек соприкасается с истиной самого бытия, что имеет глубинное нравственное значение. Можно воспользоваться здесь удачным выражением В.В. Бибикина – «стихия благочестия»⁵, которое он использует при характеристике неоплатонизма и которое можно применить вообще к философствованию как таковому, поскольку здесь и происходит *тайнство единения мысли и бытия*, требующее смиренного и благоговейного настроения. В этом смысле философия по определению этична, а этика философична.

В контексте образовательной проблематики необходимо сказать следующее. Этика как «школьная философия», как академическая дисциплина относится к первому типу философии, то есть к философии научной. Этика как «практическая философия» есть философствование, которое затрагивает нравственно-бытийные основы человека и в таком виде, конечно, не может быть вузовской дисциплиной. В качестве академической дисциплины этика может претендовать на *знание этики*, то есть на знание истории и теории этических учений; в качестве практической философии этика претендует на *знание жизни* во всех ее глубинно-экзистенциальных измерениях, которое не поддается никакой рационализации. Не случайно, как отмечает Жан Бофре, «один из часто высказываемых в адрес Хайдеггера упреков как раз и состоит в том, что его мышление неспособно обосновать этику, то есть привести к твердому различию добра и зла, и ограничивается призывом к «решимости», для которой все возможности равноценны»⁶.

В той ситуации возникают следующие вопросы: можно ли такую этику преподавать, то есть преподавать этику, которую невозможно обосновать? Это равнозначно вопросу: можно ли научить человека жить? Можно ли к тому же в контексте современной «идеологии деидеологизации» заниматься «философским проповедованием»? Дело в том, что ценностной релятивизм современной жизни настолько укоренен в сознании молодого человека, что он может воспринять живое философствование в образовательном процессе не как необходимое для полноценного формирования его личности развитие критического и самостоятельного мышления, а как вторжение в личное мировоззренческое «privacy», поскольку студент приходит уже со сформировавшимся мировоззрением и определенной системой ценностей.

Совершенно очевидно, что этика в рамках академической традиции не может выполнить свою миссию философствования, а значит, не окажет реального преобразующего влияния на сознание. Это значит, что будет расти ощущение апатии и разочарования, а общество, образование и культура будут деградировать. Образуется порочный круг: философская этика не может добраться, достучаться до умов и сердец людей, поскольку современное общество этически, эстетически и метафизически незыскательно и в нем нет потребности в философии. Эту потребность может развить только философия, в которой нет потребности. Отсутствие потребности в философии является в то же время диагнозом общества. Мы живем исключительно в нефилософское время. Такой можно сделать вывод, исходя из анализа педагогического процесса в том числе.

Здесь необходимо также сказать о современных прикладных движениях в этике, которые в принципе не способны улучшить ситуацию. Конечно, можно сказать, что развитие прикладной этики в ситуации нравственной патологии общества, а также отсутствия интереса к философии, является весьма позитивным явлением. Однако, необходимо все же сделать некоторые принципиальные пояснения.

⁴ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т II., – М., 1993. – С. 580.

⁵ Бибикин В.В. Язык философии. – СПб., 2007. – С. 267.

⁶ Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером. В 4-х книгах. Кн. 2. Новоевропейская философия. – СПб., 2007. –

Прикладная этика, так или иначе, имеет дело с профессиональной деятельностью человека, регламентируя определенный регламент поведения, исходя из этоса профессии, прежде всего. Но, можно сказать, что *человек в профессии не весь*; и как бы ни было глубоко отождествление жизни и профессии, все же за бортом профессии остаются многие существенные, если не главные моменты жизни. Еще нужно обосновать тождество жизни и профессии, в котором всегда остро стоит вопрос о совпадении или несовпадении профессии и призвания. Во всяком случае, профессия вторична в бытийном смысле, вот почему для целостности человеческого бытия важность имеет не паллиативная прикладная этика, а философская этика, которая выводит в абсолютный контекст жизненной ситуации безотносительно к профессии. С точки зрения философской этики, профессия и профессиональная этика – это частный случай бытийной и экзистенциальной ситуации человека. Поэтому положения прикладной этики всегда детерминированы более общими метафизическими принципами философской этики, которая помогает человеку осознать свое бытийное, непременно драматическое положение. И в этом что ни на есть практический характер этики – раскрыть драматический характер человеческого бытия как человеческого.

Прикладная этика вообще не рассматривает бытийную драму человека в качестве исходного момента в структурировании правильного поведения, то есть «этического кодекса». Более того, в прикладной этике отсутствует то, что можно назвать глубинной нравственной аналитикой, выводящий на такие феномены как трагизм бытия, нравственный антиномизм, парадоксальность человеческой ситуации и т. д. Человек здесь берется в некоем стандартизированном «этически стерильном» виде, «готовым для употребления» в той или иной профессиональной деятельности. Возникающие нравственные коллизии («этические дилеммы») решаются с помощью регламентирующих положений этического кодекса; в обратном случае следует обращение к психологу. Этический кодекс профессиональной этики имеет «экзистенциальный барьер», за которым следует профнепригодность.

Наличие практики создания этических кодексов, которая является главным атрибутом прикладной этики, говорит о том, что с точки зрения этого вида этики человеческое поведение можно рационализировать, калькулировать, систематизировать, кодифицировать, институализировать. Это значит, что априорная установка прикладной этики такова, что в поле ее зрения вообще не попадает экзистенциальная ситуация человека. В этом случае мы должны либо поставить под сомнение метафизические идеи философии о человеке, либо поставить под сомнение прикладную этику, которая создает неполноценный образ человека и соответственно определенную норму поведения.

Проблема с прикладной этикой не в том, что ее нужно потеснить какими-то абстрактными теоретическими этиками, а в том, что прикладная этика вытесняет философскую, представляя ситуацию таким образом, что философские проблемы личности – это абстракция и архаика. Задача в этой ситуации заключается в том, чтобы вернуть фундаментальность этической рефлексии в контексте доминирующего этико-прикладного дискурса. Потому что явно фундаментальность элиминирована из прикладной этики. Однако, именно такая задача в современных условиях является утопичной, поскольку люди профессионально занимающиеся прикладной этикой имеют априорную антиметафизическую установку, что делает сообщение между двумя видами этики – фундаментальной и прикладной, неосуществимым.

Можно в качестве мер некоторого совершенствования предложить такое методологическое разграничение: традиционный курс этики делить не на историю и теорию этических учений, а на научную, религиозную и философскую этику. Особенность философской этики в том, что она предполагает хотя бы минимум личного философского участия (философствования) обучающегося. Когда случается чудо философствования, тогда можно с полной уверенностью говорить о человечности философии и философичности человека. В этом случае этика, не теряя своего практически-прикладного характера, обретает характер фундаментального философствования, в котором человек осознает свои сущностные запросы.

Однозначных методических рекомендаций по поводу живого философствования, конечно, не может быть. Философия, как и поэзия, случается, важно искать ту среду, в которой философия может случиться. Это может быть неакадемический семинар, на котором можно создать ситуацию «философского эроса».

В целом стратегической задачей современного образования должно стать *пробуждение интереса к философии*. Это этический императив: философия образования должна заняться философией. Такова парадоксальная ситуация, поскольку нынешняя «философия образования» совершенно не имеет ничего от философии как таковой. Более того, философия образования прилагает все усилия, чтобы выдать философию окончательно из образования, жизни и культуры. Философия неудобна, она заставляет самостоятельно мыслить, пробуждая критическую рефлексию. Видимо, такие качества не очень

приветствуются сегодня, по крайней мере теми, у кого в руках бразды правления государством и образованием.

Здесь не исключен, столь нелюбимый постмодернистами *нафос*. Необходим прорыв к философии, которая сама оказывает преобразующее (духовно-нравственное) воздействие в том случае если она принимается человеком в расчет серьезно и ответственно. Философствование становится этически ответственным поступком, поскольку в нем осмысливаются наиболее важные и предельные вопросы человеческого существования. Такова, на наш взгляд особенность этики как не школьной философии. И только в качестве не школьной философии, мы полагаем, этика может оказать реальное положительное влияние на общество и культуру, пробудив нравственные энергии подлинного философского вопрошания.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
2. Слотердаjk П. Критика циничного разума. М., 2009.
3. Ермичев А.А. Литературный журнал и философский процесс в России // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. № 4. Том 2. СПб., 2010.
4. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т II., М., 1993.
5. Биbihин В.В. Язык философии. СПб., 2007.
6. Бoфре Ж. Диалог с Хайдеггером. В 4 кн. Кн. 2. Новоевропейская философия. СПб., 2007.

ETHICS AS A NO SCHOOL PHILOSOPHY

The article discusses the possibility of ethics to have a positive impact on modern society, education and culture. One must understand the identity of philosophy and ethics, and determine the status of the existential philosophy, which in the context of contemporary culture is losing its fundamental character. Ethics as practical philosophy associated with the existential philosophizing as a living instrument, rather than with philosophy as a system of historical and philosophical knowledge with epistemological rather than moral significance. In this context problematizes the status of applied ethics, which loses its connection with the root of philosophy and, especially, to philosophizing.

Key words: ethics, philosophy, philosophizing, applied ethics, education, philosophy of education, culture, being.

V. VARAVA

Voronezh State University

*e-mail:
vladimir_varava@list.ru*